

Выдропужск

Автомашины проносятся мимо этого селения и даже немного над ним, потому что трасса здесь проходит по мосту через Тверцу. Успеваешь заметить лишь серые крыши однообразных ветхих изб да слева от дороги церковь – единственный светлый образ на унылом пейзаже села. Проезжающий путник с Выдропужском даже не соприкоснется. Так, глянет направо, налево, если в первый раз – обратит внимание на странное название, а через минуту его ждёт уже новый пейзаж, навевающий иные ассоциации...

Название этого селения тоже будто бы связано с Екатериной Великой, которая останавливалась здесь в специально для неё возведенных постройках. Их развалины можно увидеть на подъезде к селу. Вроде бы императрица, прогуливаясь здесь по берегу Тверцы, вспугнула выдру, до этого спокойно обитавшую в тихой заводи. Выдрено без разницы, кто её вспугнул: императрица или пастух. Прыг в воду – и ушла на глубину, а для людей – все наоборот. И потому этот едва уловимый для выдры и монаршего величества миг местной окружой был воспринят как знаменательное историческое событие, стоящее того, чтобы сменить прежнее название Выдобожеск на новое – Выдропужск. Так это было или нет, сейчас уже никто точно не знает, но история достойная и гораздо привлекательнее всех научных версий.

Вообще, проехав уже больше трети пути в Санкт-Петербург, я убедился, что в этих придорожных селениях нет исторической личности более известной и почитаемой, чем Екатерина Вторая. Ее, побывавшую здесь более двухсот лет назад, помнит, кажется, стар и мал, и название едва ли не каждого населенного пункта связывают с её именем. Вот что значит для народа нашего, если вдруг рядом с ним однажды проедет матушка-императрица!

А пока мы сворачиваем с шоссе и оказываемся посреди села.

Увидав двух старушек, я направился к ним, чтобы узнать, где находится местная библиотека. Мне ответили, что таковой здесь

нет. Спрашиваю о старых постройках. Отвечают, что у них все постройки старые. Пытаюсь узнать о Радищеве, говорят, что такой здесь не живет.

– Может, вы и Пушкина не знаете? – спрашиваю с упреком.

– Этого знаем. Кто ж Пушкина не знает? Но они ведь все раньше жили. Давно. Вам надо у старых людей спросить, – говорит одна из старушек. А вторая посоветовала идти в администрацию, к начальству:

– Оно, начальство, всё знает.

Прежде чем идти к начальству и вести с ним разговор о нынешней жизни Выдропужска, раскроем книгу, подаренную Валентиной Федоровной Кашковой.

«Выдропужск был одним из древних поселений на Тверце, он входил в Бежецкую пятину Новгородской феодальной республики. В летописных источниках XIII – XV веков он именуется селом Выдобожск. (Или Выдобожеск в другом написании.)

...Выдропужск был крупным ямом и торговой пристанью на судоходной реке. Его значение увеличилось с введением в строй Вышневолоцкой системы. В первой трети XIX века за одну навигацию через

Выдропужск прогоняли до 9-10 тысяч судов. Ежегодно здесь проходила богатая Ивановская ярмарка, на которой главными предметами торговли были лес, бондарные, шорные изделия».

Вот, оказывается, что здесь было. А ведь, глядя на старушек, не подумаешь.

В администрации Выдропужска я познакомился с руководством села, состоящим из главы администрации Галины Егоровны, ее заместителя Ларисы Васильевны и главного бухгалтера Натальи Михайловны. Из разговора с ними мне удалось составить некоторое представление о сегодняшнем Выдропужске.

Ничего особенного здесь нет. Основа основ в этих краях было и остается сельское хозяйство. Выращивают зерно, картофель, овощи, пасут скот. Концентрировалось все это производство, а вместе с ним и прочая сельская жизнь, в колхозе под названием «*Свободный Путь*». С распадом Союза и очередным началом очередных реформ «*Свободный Путь*» был реорганизован в Акционерное Общество. С тех пор это «общество» живет в долг и государству, и своим акционерам, зарплату которым не платит уже месяцев пять. Цена за продукцию хозяйства очень низкая и не идет ни в какое сравнение с ценами на промышленные товары. Поэтому, чтобы купить запчасть для трактора, приходится продавать большое количество сельхозпродуктов, молока например, что очень невыгодно. Из-за этого в хозяйстве с 1992 года не куплено ни одного трактора, ни одной машины, а вся механизация проводится за счет старого парка. Зарплата в Акционерном обществе – от пятисот до семисот тысяч, что по здешним меркам не так уж и мало. Но беда в том, что её не платят. В Выдропужске сейчас проживают семьсот пятьдесят жителей, каждый третий из которых пенсионер. Их судьба является самой главной проблемой администрации.

– Вот сейчас, – рассказывает Лариса Васильевна, – должны выплачивать пенсии за август. Как быть, если большинство живет на одну пенсию? Представляете, какое положение у стариков? Есть примеры, когда они не покупают даже хлеб. Живут только на картошке и молоке, которые берут в долг под залог своей будущей мизерной пенсии. Есть, конечно, такие, которые живут нормально. У них еще

хватает сил держать хозяйство, хотя после шестидесяти это очень трудно. Они продают что-нибудь и таким образом зарабатывают на хлеб. Но большинство живут очень бедно. Начиная с апреля и до октября в Выдропужск приезжают семьи из Москвы и Санкт-Петербурга. Ведут они примерно сто тридцать хозяйств. Не просто отдыхают, а выращивают картошку, капусту, огурцы, словом, запасаются впрок, на зимний период. А свои квартиры, на это время, сдают в аренду. Столичные люди, своевременно получающие зарплату и пенсию, страшно удивляются, как это мы тут живем без денег.

Я рассказал о посещении Медного, о том, что и там тяжело старикам, у которых, вдобавок ко всему, нет бани.

— В Выдропужске бани есть почти у всех, — включилась в разговор Галина Егоровна. — Там у людей нет домашних бань, потому что имелась общественная. А у нас общественной бани, слава богу, не было никогда, и поэтому все как-то сами приспособились. А иначе просто кошмар. У меня сватья ездила летом в Краснодарский край, в казачью станицу к матери, так там бань никаких нет — ни домашних, ни общественных. Закрыты и не работают. И они всей станицей моются таким образом: «нужные места» помоют — и всё.

— У нас создается впечатление, — продолжает Галина Егоровна, — что эти люди никому не нужны. Мы в администрации чувствуем себя угнетенно. Приходят старики: пенсию не платят, есть нечего, одеться не во что, а ведь это все бывшие колхозники, которые восстанавливали хозяйство, прожили в самые трудные годы и которые — плохо ли, хорошо ли — всех нас кормили. Теперь от них отказались. Приходит такой человек, а мы не знаем, как ему помочь, чем обнадежить.

Администрация Выдропужска состоит практически из двух крепких российских женщин, которым под пятьдесят и которые оказались между людьми «снизу» и... неизвестно чем «сверху». Бывший колхоз-миллионер, как стал акционерным обществом, от проблем села сразу же отвернулся, переложил так называемую «социальную сферу» на администрацию. И вот эта администрация крутится, как может: в одном месте водопровод лопнул, в другом колонка испортилась, в третьем колодец засорился, или насос на водонапорной башне сгорел, или уличное освещение погасло, да еще

много чего на селе бывает. А люди-то немощные, чуть что – сразу бегут сюда, к начальству, а начальство – такое же немощное, только бежать ему уже некуда: выше его здесь никого нет. Не их ли имеют в виду политологи наши, когда говорят о «региональной элите»?

Как решают проблемы? Очень просто. Берут пару бутылок водки и бегут в бывший «Свободный путь», там ищут вань, федек, васьков, а уже те с радостью соглашаются помочь в чем угодно. Колхоз хоть и перестал быть колхозом, а путь наш как был свободным, так свободным и остался. Так что за бутылку готовы и свет исправить, и колодец отремонтировать, и черта с рогами привести.

– Ребята там все хорошие, – говорит Галина Егоровна, – но зарплату не получают, а выпить-то надо. Вот и получается у нас сотрудничество на рыночных отношениях.

Сама Галина Егоровна получает двести пятьдесят тысяч рублей в месяц. Со всеми накрутками получается на сто тысяч больше. Муж ее работает на все том же АО и с мая зарплату не получает. Так что живут на одну зарплату.

– Идем на рынок в Спирово, он у нас там находится, с сумкой подмышкой, да бывает, что так пустыми и возвращаемся. Там сосиски, сардельки, колбасы, а денег на них нет, – жалуется Галина Егоровна. – А ведь надо еще и поприличнее одеться, всё же глава администрации, люди приходят. И подрабатывать мы не можем. Как-то не к лицу, вроде начальство. Да и некогда особенно.

– А что с молодежью, каково им здесь? – спрашиваю у выдропужского начальства, имея в виду тему, которую затронул офицер в клинском военкомате.

– Молодежь работает, – отвечает Лариса Васильевна, – старается как-то заработать. А работают кто где. Когда колхоз реорганизовали, многие ушли искать деньги на стороне. Есть у нас школа. Девяносто учеников, с первого по одиннадцатый класс. Учителя есть. Коллектив укомплектован. В прошлом году один наш мальчик поступил в Тверской университет, две девочки – в педагогический колледж в Торжке (*где преподает Валентина Федоровна – авт.*), одна девочка поступила в политехнический техникум в том же Торжке.

Лариса Васильевна говорила об этих ребятах с гордостью и радостью – за них и за весь Выдропужск. А представьте, жители преуспевающей Москвы, что означал бы для вашего ребенка педагогический колледж в Торжке или там же – политехнический техникум?..

– А вот в армии служат сейчас мало. Не знаю, с чем это связано, – говорит тихо и взволнованно Лариса Васильевна, – но из восьми призывников 1979 года к воинской службе не пригоден ни один. По умственному соображению. Раньше по пять, шесть, восемь ребят служило, а теперь вот в армию никто не годится…

Я спросил о политике. Интересуются ли ею люди? Как прошли выборы и, вообще, что будет здесь дальше?

– У нас, – рассказывает Лариса Васильевна, – в сельском округе на выборах прошел Ельцин. За него голосовали, надеясь, что многое изменится. Он ведь обещал зарплату, и пенсию, а старики у нас такие, что если обещает начальник, то в это верят. И пропаганда сказалась. На Ельцина ведь все работало. Вплоть до того, говорят, что ездила по стране огромная армия артистов и агитировала за него. А получали за это тысячи долларов и миллионы рублей. Наверное, какая-то доля правды есть. Не за просто так же они ездили от Москвы до Владивостока? Вот так они все вместе людей и обманули…

Собственной газеты в Выдропужске нет. Все местные новости печатаются в газете «*Спировские известия*», которая выходит два раза в неделю. Получают здесь и тверскую областную газету. Центральную прессу практически никто не читает.

Я попросил дать мне любые номера «*Спировских известий*», поблагодарил собеседницу за разговор и, по их же рекомендации, направился в школу, отстоявшую от администрации метрах в ста. Дело в том, что в школе расположен музей этого села.

Первым делом я отыскал директора школы – Ольгу Алексеевну, деловую, энергичную и яркую женщину, организующую всю работу сельской школы, а уже она представила меня заведующей музеем. Оставив нас, директор умчалась решать какие-то неотложные школьные дела.

Заведующая музеем – Валентина Николаевна, невысокого роста с короткой стрижкой пожилая женщина с поразительно добрыми глазами и тихим ровным голосом. Руки не по годам сильные. Не по годам и не по профессии. Сам музей очень небольшой: занимает всего одну комнату, видимо бывший класс. Но в нем уместилась вся история Выдропужска с древнейших времен. Здесь тихо, чисто, светло, на полу постелены коврики. По всему видно, что музеем дорожат, что это не бутафория и не витрина.

Вот самое начало выдропужской истории, связанное с Новгородской феодальной республикой; выдержки из различных исторических работ; упоминание о Льве Толстом, Салтыкове-Щедрине, Белинском – все они, как и Радищев с Пушкиным, проезжая из одной столицы в другую, не могли миновать Выдропужск. Останавливались здесь, меняли лошадей и двигались дальше.

Похоронен в Выдропужске русский языковед член-корреспондент Академии Наук Петр Алексеевич Лавровский (1827-1886). Ему посвящен специальный стенд. Упоминается, что он ученик и последователь И.И.Срезневского. Кто сейчас помнит эти имена? Здесь же старинная одежда: подвенечное платье и старинные туфельки, которые когда-то одевала невеста; рядом – демисезонное пальто с плеча господина, некогда проживавшего в селе, и тут же старинные ботинки с галошами. Целый угол отведен предметам быта: валдайские колокольчики, старинный самовар и его современник – утюг, разогревающийся у печки, и еще один утюг, «работающий» на углях; вот керогазы – спутники жизни многих поколений, совок для круп, сахарного песка и прочих сыпучих продуктов; рядом скалка, которой при стирке катали белье, и специальная деревянная колодка для сапожного ремесла; здесь же старые горшки, в которых некогда варились деревенские щи и каши; возле них – прядка с куделью и специальная мялка, которой женщины мали лен; вот умывальник, которым когда-то пользовались жители села, да и сейчас он пригоден – воды налил и умывайся; вот плетёный лопаточник, в который кладут бруск, чтобы безопасно наточить косу, и здесь же старинные лопаты; а вот старинный дорожный сундук, сделанный из прутьев, рядом – сумка, лампада, старое зеркало; вот косарь, которым щипали лучину при

растопке печи, и тут же специальные щипцы, чтобы обрывать огарки, когда стелят лучину...

Экспозиция украшена вышитыми салфетками, красивыми скатертями и аккуратно выставлена в углу музея, оформленного под старинную русскую избу. Все это кому-то может показаться лишь кучей хлама, но здесь – это часть истории, и не только Выдропужска. И, между прочим, пока я осматривал музей, появились еще два экспоната: монету XVII века принес завхоз школы, а гильзу от крупнокалиберного пулемета времен Великой Отечественной войны передал Валентине Николаевне один из учеников.

Далее на стенах представлен период Октябрьской революции. Здесь и первые активисты села, и оригинальные документы: трудовые книжки, «Книга по сбору товара и платежам», планы посевов. Среди экспонатов – пресса тех лет: «*Крестьянская газета*», с заголовком «Победная поступь революции», рядом – «*Известия солдатских и рабочих депутатов*», а вот передовица из местной газеты тридцатых годов, под заголовком «Выдропужский сельсовет накануне сева». Читаем: «В связи с задачами, поставленными XVIII съездом перед сельским хозяйством в области повышения урожайности и организационно-хозяйственного укрепления колхозов, – неизмеримо возрастает организующая роль сельских советов». Вот номер газеты «*Выдропужская Новь*». Сейчас такой газеты уже нет. Сейчас вообще нет никакой...

Все экспонаты выставлены на специальных небольших стеллажах, под стеклом. Здесь же ордена, медали, чей-то мандат, записная книжка, еще какие-то документы. Рядом стоит старинный граммофон. Под стеклом – военная фуражка и парадный офицерский мундир при всех регалиях. Это форма бывшего ученика школы А.Ф.Райкова, который очень помог при создании музея. Его уже нет, а форма хранится и как память о нем, и как достойный экспонат. Далее идет стенд под названием «Четыре года, опаленные войной». Здесь представлены герои-фронтовики, защищавшие большую Родину – СССР и малую – родной Выдропужск. И защитили! Не пустили фашиста сюда, хоть и был он совсем рядом. И может, Николай Загорский, в одиночку пять часов сдерживавший под Воронежом врага,

это самое время и отыграл. Ценой своей жизни. Кто-то пять часов сдерживал, кто-то шесть, кто-то два, а кто-то всего минуту продержался или даже того меньше. За минуты и часы – отдавали жизни. Так сложились цифры: с одной стороны – четыре года, с другой – двадцать семь миллионов...

Н.И.Загорский, Ю.А.Синицын, А.Ф.Райков, Н.А.Морозов, М.В.Малышев, В.С.Сергеев, С.Г.Бровцов – всем им посвящены стенды, обо всех помнят, всех чтут. На фотографиях они гордые, мужественные, непобежденные, уверенные в будущем и своего села, которое защитили, и страны, которую спасли.

В оккупации Выдропужск не был, но его бомбила фашистская авиация. И одна семья даже погибла. Валентина Николаевна рассказала, как не стало Косаревых:

– Вечером тетя Маня получила похоронку. Такое горе, все плакали, рыдали, потом все же легли спать. У нее в доме свекровь и две девочки были: одной девять лет, другая еще грудная. А ночью – налет и точно в их дом попала бомба. Вот как бывает! Днем – похоронка, ночью – бомба! Бабушка спала у печки, а девочки на кровати, с матерью. Все погибли, кроме девятилетней девочки. Как она сохранилась? – Неведомо никому.

Далее в музее представлены герои «трудового фронта», которые работали здесь в колхозе, восстанавливали хозяйство. Вот на специальном стенде знаменитая на всю страну ткачиха Валентина Гаганова. Она тоже из этих мест. Когда-то жила и работала здесь, неподалеку. Сейчас на пенсии, слава Богу жива, здоровая. А вот бессменного председателя колхоза М.С.Зайкова уже нет в живых, но его здесь помнят.

Последний стенд – уже о наших днях. Он рассказывает о семье здешних фермеров Сергеевых.

– Сейчас похвастать Выдропужску нечем, – тихо, с сожалением говорит Валентина Николаевна. – Как реорганизовали колхоз, так... короче, развал. А вот у Сергеевых есть чему поучиться. Они и свои семьи обеспечивают, и государству от них выгода. Живут недалеко, в небольшой деревушке.

– А почему все не могут так жить, как эти Сергеевы? – спрашиваю у Валентины Николаевны.

– С детства не приучены к труду. А вот они приучены. С самого малого возраста. Они как кроты. Саша Сергеев учился в нашей школе, и, когда её закончил, мы очень переживали, потому что у нас не осталось пахаря. Всю картошку на пришкольном участке сажал и обрабатывал он. В пятом классе мальчишка учился и уже владел техникой вспашки земли! Сам и перепахивал, и окучивал – все делал. Такая вот у них семья.

– Одна на всю деревню?

– Да не одна... Но большинство привыкло приспосабливаться или под чьей-то командой работать, а у Сергеевых очень рано самостоятельность проявилась. У них и трактор, и машина, и, когда директор школы попросит – они помогают, ни в чем не отказывают. Осенью надо выкапывать картошку, они обращаются в школу за помощью, и ученики помогают, а те хорошо платят. Это нам нужно для организации питания в нашей столовой... А вы разве не согласны, что люди несамостоятельны, потому что привыкли или приспосабливаться, или жить под чьей-то командой? – спросила Валентина Николаевна.

Согласен, согласен, да только что же с нами такими теперь делать?!

А кто же сама Валентина Николаевна? Как ей удалось создать краеведческий музей? Может, она нераскрывшийся в свое время талант, несостоявшийся выдающийся историк, сельский гуманитарный Кулибин?

Вовсе нет. Родилась в этих краях, в одной из деревень Ржевского района, в крестьянской семье. Когда началась война, отец и брат пошли на фронт. Деревня оказалась в оккупации, и тогда матери удалось перевезти семью в Выдропужск, где со временем купили дом. Благодаря, кстати, корове.

– Мать пригнала ее сюда пешком, – рассказывает Валентина Николаевна, – и от этой коровы вырастили телочку. Хорошая была телочка, но мы поменялись с родственницей на корову, которая уже три года была яловой...

– А что значит, яловая? – спрашиваю.
– Ну, значит, не стельная.
– А это как?
– Не стельная – значит не огульная, не родит, значит... И вот эту корову зарезали на мясо и продали, а самую первую корову тоже продали и купили дом, в котором я сейчас и живу. Родители уже умерли. С мужем я давно разошлась и живу одна. У меня есть куры, кошка, небольшой участок, обрабатываю его сама. Есть у меня дочь в Ростове, внуки.

Валентина Николаевна не успела окончить институт, потому что появился ребенок и начали хворать родители. Здесь, в школе, работала до 1981 года учителем русского языка и литературы. Потом ушла на пенсию, но ее попросили поработать библиотекарем.

– Люблю старину собирать, всё беречь, складывать: думаю, пригодится, – признается Валентина Николаевна. – Так с 1985 года я стала заведующим музеем. Школьники наши его очень любят, приносят экспонаты, документы. У нас при школе есть и краеведческий кружок.

Итак, крохотный музей в сельской школе. Организован учительницей-пенсионеркой при участии учеников, учителей и многих жителей Выдропужска. Не вся история здесь, но то, что есть, – это история. Вот она перед глазами, рядом. Все эпохи друг с другом уживаются. И никто здесь со своим прошлым не воюет, потому что это своя история и её непрерывность здесь очевидна. Это то, чего нет в Рос-

сии, где из-за невежества, жестокости и дураковатости воюют между собой все её персонажи, все события – далекие, близкие, сегодняшние и, кажется, даже завтрашние. От этого поднимается над страной невообразимый шум и несмолкаемый гвалт, состоящий из какофонии скрещивающихся звуков: шипящих – от суетливых расшариваний; пульсирующих – от захлебывающихся восторгов; колющих – от возни за право потакать первому; ноющих – от апокалиптических прогнозов... А добавьте сюда звучание средних – скрежет гусениц; высоких – визг реактивных установок и низких – хлопки минометов... Эту бесформенную желтую и ядовитую звуковую жидкость – ежечасно льёт на нас наш всепобеждающий государственный оркестр. Посчитайте, сколько желающих им подирижировать!

Какая может быть история, когда всё вовлечено в орбиту сиюминутных переживаний и душенастроений, все бурлит, колышется и поднимается к алтарю Повседневности? Здесь не только Сталин, после которого уже прошло почти полвека, не только Ленин, который жил сто лет(!) назад, но и все наши государи, реформаторы, императоры и прочие.... Повесь у нас на видном месте, скажем на Красной площади, портрет Александра Македонского – сразу начнут гадать: к чему бы это? почему Александр? почему именно он? почему не наш?.. А далее включатся аналитики, политологи, обозреватели, обязательно артисты и журналисты, писатели и поэты... Станут спорить и выяснять: отчего Македонский, а не, скажем, Юлий Цезарь или Тутанхамон? И будут объяснять, в чем, собственно, дело, и с помощью телевидения втянут нас в дискуссию, а тогда уже каждый отыщет в этом самые различные предлоги и поводы, намеки и предупреждения... Найдется такой, кто усмотрит в этом явную угрозу целостности и единству, а другой – диктаторские замашки и имперские намерения; и тогда разделится страна на две части, а потом появится еще и третья часть – какая-нибудь партия «здравого смысла», которая будет говорить оставшимся двум, что нет ничего страшного в том, что Македонский, просто других портретов не было, а надо было чем-то украсить фасад, и те, кто вешал портрет, даже не знали, кто это такой. Но кто же поверит у нас, что можно вот так запросто, без всякого тайного умысла, без цели и без причин, – взять да и повесить на

Красной площади чей-то портрет? Да ладно бы чей-то, какого-нибудь поэта или писателя, а тут – Александра Македонского! Впрочем, и портрет писателя попробуйте-ка на видное место повесить.

– Почему это вы, уважаемый, перечисляя собирателей земли Русской, не упомянули Ивана Калиту? – вопрошают бородатый тип с третьего ряда во время одной литературоведческой лекции.

– Так он же потопил в крови Тверь. Нас там не поймут, – отвечают из президиума.

– Объясним, что так надо было Державе, – поймут!

– Но, товарищи...

– Тамбовский волк тебе «товарищ», морда твоя жидовская.

И началось, и поехало...

Только один портрет можно у нас вывешивать, только одно лицо и один образ – того, кто на сегодняшний день, час, минуту – наиглавнейший начальник. Все другие образы – опасны. Могут возникнуть катаклизмы, вплоть до полного изничтожения нации ее же представителями. А будет висеть нынешний, то одни будут плеваться, другие кланяться, трети равнодушно проходить мимо, но вопроса – почему висит? – уже не возникнет.

А в Выдропужске, в школьном музее – не так. Там всё во славу этого села, всё священно и миролюбиво. В маленьком селе знают, что такое история, а в большой России – нет. И не хотят знать.

Пока мы вместе с Валентиной Николаевной осматривали музей, вернулась директор и рассказала о своих школьных заботах. Они такие же, как везде: организовать учебный процесс, найти и удержать преподавателей, отремонтировать учебные классы, накормить учеников, наконец, подготовить сельских детей к будущей учебе в городе. Последнее, по словам Ольги Алексеевны, самое трудное, потому что, воспитанные в относительно мягкой сельской среде и попавшие в город, ученики теряются и к жестким правилам привыкают с большим трудом. Важную роль директор отводит школьным обедам. Питаются все девяносто три ученика, все преподаватели и технический персонал. Не обижают никого, и Ольга Алексеевна считает такую кормежку важнейшей составной частью учебного процесса:

– Как же спрашивать с людей – учеников или учителей, – если они голодные? Вот сегодня, что у нас: салат, затем, на первое, щи с мясом; на второе пюре или рисовая каша; на третье – компот из свежих фруктов. Стоимость такого обеда 10 тыс. рублей в месяц: это на сахар, чай и все такое, что бывает только в магазине. Остальное вырастили на своем пришкольном участке, а на мясо заработали в колхозе. Проработали там десять дней и выручили 547 килограммов мяса. Каждый килограмм на учете. Наши ученики и учителя сэкономили из родительских карманов 13,5 миллионов рублей. Поэтому, когда ученик обедает, он знает, что это не просто «дали», а им заработано. Мы с нашей оголтелой «гуманностью» навредили столько... Конечно, помогать детям из обездоленных семей мы должны, но поддерживать и ничего не требовать взамен – очень вредно.

– Вот я директор школы, – продолжает Ольга Алексеевна, – но у меня дома есть корова, поросыта, телята и две кошки. Есть свой участок. А ведь у меня – двое детей. Но ничего, мы с мужем работаем, вместе это хозяйство ведем, не стесняясь и не стыдясь. А есть такие, которые привыкли ничего не делать и лишь стоят, смотрят на нас. Они и учиться толком не хотят, и не работают. Привыкли, что им все должны давать... У нас есть учительница, у неё три дочери, хозяйство, пожилая мама... А одна родительница ей заявляет: «Моей дочери нужны сапоги». Учительница отвечает, что и у неё тоже есть дети, и им тоже нужны сапоги. А та ей: «Так ведь вы же работаете». Учительница отвечает: «Так и ты пойди работать, руки на селе нужны». А родительница ей говорит: «А куда я пойду? На ферму? Там тяжело и плохо»... Конечно, там не хорошо, но кто она: врач, учитель, агроном? Вот такое иждивенчество меня выбивает из колеи. Мы все делаем сами. И красим, и чистим, и моем... Все учителя и весь технический персонал, который получает по девяносто тысяч в месяц. И никто не бастует. Все работают, чтобы жить.

И действительно, в Выдропужске перед кем бастовать? Кому высказывать негодование? На кого обращать гнев и кому демонстрировать свою безысходность? Трем женщинам из администрации? Так они сами мучаются от беспомощности. Выйти на шоссе с плакатами? Но начальство на машинах тут не ездит, а

журналистов поблизости днём с огнём не сыщешь. А если даже и найдется кто-нибудь, напишет в газету – да кто же прочтет? Но если и прочтет – чем поможет? Таких выдропужских – вся Россия! Вон, напротив Кремля ходят с транспарантами, чего-то кричат – и ничего, а тут... Здесь бастовать – курам на смех! Выход один – работать. Дискуссии о государственном устройстве, политическом строе и будущем – только на досуге, если, конечно, нельзя найти занятие полезнее. Все надежды только на себя, на свои руки, ноги, плечи, голову... Обустройство России на расстоянии вытянутой руки – главная программа и единственный рациональный смысл. Здесь опустить руки – значит превратиться в рухлядь, в никому не нужный телесный хлам. Все эти люди и так вычеркнуты государством из своего реестра. Они – не кость в горле государства нашего и даже не балласт, их вообще нет на политической карте. Выживут они или нет? И если выживут, то какими? Это зависит только от них самих. Счастье выдропужских детей, что здесь есть такие женщины. В городах доминируют совсем другие субъекты нашей жизни. Они тоже предоставлены сами себе, и их выбросило государство, походя бросив: «Свободны». Пусть же нынешние жизнеустроители и обслуживающие их властители дум не удивляются, не причитают и не заламывают руки, если вдруг обнаружат, что из выброшенных и ненужных все же некоторые выжили. Одни, без государства, вне ответственности и вне закона. И если стаи этих серых, обезличенных и ощетинившихся на весь мир волков возьмут за горло страну, то не останется ли вся надежда России в руках таких вот выдропужских школьников, с их маленьким музеем – добрым и беззащитным миром, который берегут их сельские учителя?

При выезде из Выдропужска на трассу можно увидеть скульптуру: молодая женщина, подняв руку вверх, пытается защитить мальчика. Это памятник из «пионерско-комсомольской тематики»... На первый взгляд.